

© 2024. А. В. Тоичкина

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Н. В. Гоголь как художник и мыслитель в работах Д. И. Чижевского (К 130-летию Д. И. Чижевского)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-01302 «Методология аксиологического подхода к изучению русской
словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского»,
<https://rscf.ru/project/23-28-01302>*

Аннотация. Н. В. Гоголь был любимым писателем Д. И. Чижевского, статьи которого занимают существенное место в истории науки о писателе. Чижевский работал над книгой о Гоголе, которую так и не завершил. В предлагаемом исследовании рассматривается вопрос о концепции личности и творчества писателя, разработанный Чижевским в его работах о Гоголе. Так, Чижевский писал о необходимости создания «внутренней биографии» Гоголя, доказывая целостность творческой личности писателя. Он исследовал, как религиозное мировоззрение писателя преломлялось в художественном стиле его произведений, наглядно показывая неразрывное сплетение в творческой личности Гоголя художника и мыслителя. В своих работах ученый прошел путь от исследования темы «Гоголь и «Добролюбие»» до гипотезы о том, что писатель был «учеником Бенгеля». Надконфессиональный характер религиозных воззрений писателя был близок самому исследователю.

Ключевые слова: Д. И. Чижевский, Н. В. Гоголь, религиозное мировоззрение, поэтика, источники, творческая концепция, внутренняя биография.

Информация об авторе: Александра Витальевна Тоичкина, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. д. 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3723-1553>

E-mail: a.toichkina@spbu.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.03.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 24.04.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Тоичкина А. В. Н. В. Гоголь как художник и мыслитель в работах Д. И. Чижевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 202–223. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-202-223>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 202–223. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 202–223. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Aleksandra V. Toichkina

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

N. V. Gogol as an Artist and Thinker in the Works of D. I. Chizhevsky (To the 130th Anniversary of D. I. Chizhevsky)

Acknowledgments: The work was carried with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01302 “Methodology of the Axiological Approach to the Study of Russian Literature by A. A. Ukhtomsky and D. I. Chizhevsky” (<https://rscf.ru/project/23-28-01302/>).

Abstract: N. V. Gogol was the favorite writer of D. I. Chizhevsky, whose articles have a significant place in the history of Gogol studies. It is known that Chizhevsky worked on a book about Gogol, which he never completed. The proposed research examines the issue of the concept of the writer’s personality and creativity, developed by Chizhevsky in his works about Gogol. Thus, Chizhevsky wrote about the need to create an “internal biography” of Gogol and proved the integrity of the writer’s creative personality. He explored how the writer’s religious worldview was refracted in the artistic style of his works, clearly showing the inextricable interweaving in Gogol’s creative personality as an artist and a thinker. In his works, the scientist went from researching the topic of “Gogol and the Philokalia” to the hypothesis that the writer was “a student of Bengel.” The non-confessional nature of the writer’s religious views was close to the researcher himself.

Keywords: D. I. Chizhevsky, N. V. Gogol, religious worldview, poetics, sources, creative concept, internal biography.

Information about the author: Aleksandra V. Toichkina, DSc of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3723-1553>
E-mail: a.toichkina@spbu.ru

Received: March 16, 2024

Approved after reviewing: April 24, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Toichkina, A. V. “N. V. Gogol as an Artist and Thinker in the Works of D. I. Chizhevsky (To the 130th Anniversary of D. I. Chizhevsky).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 202–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-202-223>

В «истории духа» Д. И. Чижевского (1894–1977) есть любимые персоналии, которым он посвятил значительную часть работ. Это известный украинский философ Г. С. Сковорода (1722–1794), чешский религиозный мыслитель и педагог Я. А. Коменский (1592–1670). Особое место в научной деятельности слависта заняло изучение творчества таких писателей, как Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский [Мnich: 247]. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим концепцию творчества Гоголя, разработанную Чижевским, учитывая при этом авторитетные исследования специалистов [Янцен; Марченко; Мних; Надъярных; Васильева; Воропаев].

Самым главным для Чижевского в его «истории духа» (так определял он созданную им модель развития культуры) был религиозный смысл произведений и духовный путь их авторов. Подход Чижевского — явление системное и синтетическое¹. Он опирался при создании своей культурологической модели, с одной стороны, на философию Гегеля, с другой — на свою интерпретацию феноменологии Гуссерля. Метод анализа Чижевского выработывался в рамках школы русских формалистов и Пражского лингвистического кружка. Важны были для него герменевтические практики и методологии. Статьи, посвященные биографии и творчеству Н. В. Гоголя, написаны в рамках этого синтетического религиозно-философского подхода.

По воспоминаниям современников, Гоголь был любимым писателем Д. И. Чижевского [Янцен: 46]. Тема Гоголя появилась в трудах Чижевского во второй половине 1920-х гг. в его работах по истории философии на Украине. В 1930-е гг. он пишет рецензии на книги Н. В. Горлина «Н. В. Гоголь и Э. Т. А. Гофман» (1933), А. Белого «Мастерство Гоголя» (1938), В. В. Гиппиус «Гоголь. Материалы и исследования»

¹ О системности «истории духа» как культурологической модели Чижевского см. [Тоичкина 2016].

(1939). В 1937–1938 гг. выходят немецкоязычный и русскоязычный варианты статьи Чижевского «О “Шинели” Гоголя». Во второй половине 1940-х гг. славист публикует в цикле «Плоды чтения» заметки «Словарь Гоголя» (1942, 1947), предисловие к немецкому изданию «Мертвых душ» (1949). В 1950-е гг. издает такие важные статьи о писателе, как «Неизвестный Гоголь» (1951) и «Гоголь: художник и мыслитель» (1952). Из рецензий значимым становится разбор трех книг о Гоголе: В. Ермилова (1952), В. Сечкарева (1953) и «Огонь вещей» А. Ремизова (1954) [Чижевский 1955: 277–288]. В 1955 г. Чижевский публикует статью о Гоголе в «Енциклопедії українознавства Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка» (1955). Небольшую заметку о двух письмах Гоголя (архивные разыскания Чижевского) ученый издал в 1956 г. на русском и немецком языках. В 1960-е гг. вышли его немецкоязычная монография «История русской литературы 19 века» (первая часть в 1964 г., в ней помещена глава о Гоголе), русскоязычная статья, посвященная биографии писателя, — «Две родословных Гоголя» (1965), статья на немецком языке «Сковорода — Гоголь» (1968). В 1970-е гг. на немецком была опубликована заметка «Украинизмы у Гоголя» (1976) и (уже после смерти автора) статья «Замечания к повестям Гоголя» (1978)¹. Известно, что Чижевский работал над книгой о Гоголе, которую так и не завершил (существует рукопись части немецкого варианта книги, посвященной биографии писателя [Янцен: 46–63]). Библиография опубликованных работ Чижевского о Гоголе — статей, рецензий, глав монографий — включает 28 позиций [Чижевский 2015: 388–390].

Рассмотрим, как решал Чижевский вопрос о соотношения религиозных воззрений Гоголя с его творческим методом.

В 1966 г. под редакцией Чижевского в томе 12 серии “Forum Slavicum” на немецком языке вышел сборник статей «Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой: о русской литературе 19 века». В этот сборник Чижевский включил три свои статьи о Гоголе, которые сам очень ценил: 1. «Неизвестный Гоголь»; 2. «Гоголь: художник и мыслитель»; 3. «О композиции “Шинели” Гоголя». В этих статьях Чижевский фак-

¹ В обзоре русских зарубежных работ о Гоголе В. А. Воропаев рассматривает статьи Чижевского «О “Шинели” Гоголя», «Неизвестный Гоголь», «Две родословные Гоголя», «“Да” и “нет” у Гоголя» [Воропаев: 105–107]. Р. В. Мних анализирует круг работ Чижевского о Гоголе в своей монографии [Мних: 372–385].

тически изложил свою концепцию понимания Гоголя как мыслителя и художника. Но одной из первых работ о Гоголе стала глава в украинской монографии Чижевского 1931 г. «Нариси з історії філософії на Україні». Глава VII «Микола Гоголь (На шляху до вічної краси)» была написана Чижевским в соавторстве с его учеником Л. Мыколаенко¹ и в дальнейшем предопределила подход и методологию исследования в статьях о Гоголе. По мысли исследователей, Гоголь в творчестве реализует свою религиозно-философскую проповедническую интенцию с его призывом: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник» [Чижевский 1983: 102]. Именно поэтому Гоголь ставит сердечный порыв выше чувства долга и обязательств («обнимаю силою любви моей»). Источником всего есть любовь, и сами мы — «творение Божьей любви». Живую душу и труд во имя ее ставит Гоголь целью писательской работы [Чижевский 1983: 104]. С этим связаны оптимизм и вера Гоголя в человека и литературу. «Гимн Красоте Небесной был благодарностью Гоголя за жизнь» [Чижевский 1983: 106]. Но в «Нарисах» 1931 г. Чижевский (как и Миколаенко) рассматривает Гоголя как явление в истории украинской духовной традиции. В дальнейшем он изменил свою точку зрения. Так, в монографии ученого «Історія української літератури» (1956) нет раздела о Гоголе², зато такой раздел был им написан для первой части «Истории русской литературы» (1964). И в основном круге статей Гоголь рассматривается по преимуществу как русский писатель.

Итак, три статьи были отобраны самим Чижевским для его издания. Наиболее ранняя из них — «О “Шинели” Гоголя» (в немецком варианте «Про композицию “Шинели” Гоголя») вышла в «Современных записках» № 67 за 1938 г. 23 мая 1936 г. Чижевский писал А. Л. Бему: «Я только что закончил статью о “Шинели”, как кажется, с совершен-

¹ Про работу Миколаенко Чижевский в марте 1933 г. писал в письме Ф. Либу: «Посылаю Вам статью моего ученика Миколаенко о Гоголе... Гоголь, конечно, несколько идеализируется, то есть не замечаются трагические противоречия его мировоззрения. Но эту точку зрения я считаю более правильной, чем ложное понимание Гоголя, предлагаемое, например, Владимиром Ильиным...» [Янцен: 49].

² В «Історії» Чижевский рассматривает Гоголя как представителя «русской школы» в истории украинской литературы XIX в.

но новой точки зрения» [Янцен: 49]. На немецком языке эта статья вышла в начале 1937 г. в журнале Фасмера в рубрике «Gogol'-Studien» [Čyževskij 1937: 63–94]. Немецкий вариант статьи обширнее русского, в нем есть фрагменты, которые отсутствуют в русскоязычном тексте (к примеру, развернутый анализ темы «задоров» в немецком варианте включает в себя рассмотрение не вошедших в окончательный текст четвертой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина строк: «У всякого своя охота / Своя любимая забота — / Кто целит в уток из ружья, / Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопушкой мух нахальных, / Кто правит в замыслах толпой, / Кто забавляется войной, / Кто в чувствах нежится печальных, / Кто занимается вином — / И благо смешано со злом» [Čyževskij 1937: 63–94]). Тема «задоров» у Сковороды, Гоголя, Пушкина и Горация в дальнейшем станет предметом отдельного рассмотрения в статье Чижевского «Сковорода-Гоголь» [Čyževskij 1937: 317–326].

Статья Чижевского о «Шинели» достаточно изучена. Упомянем, к примеру, работы Н. С. Надъярных и М. А. Васильевой. Так, М. А. Васильева характеризует метод мелких наблюдений А. Л. Бема, который использовал Чижевский при анализе повести «Шинель» [Васильева 2008: 121–123]¹. Н. С. Надъярных подробно останавливается на прочтении Чижевским повести Гоголя через анализ повтора слова «даже» [Надъярных: 221–228]. Сам славист указывает в статье еще и на актуальный для него метод медленного чтения М. О. Гершензона. Однако метод Гершензона в плане интерпретации предполагал установку на субъективность восприятия читателя, чего Чижевский старательно избегал. Именно поэтому он обращается к источникам произведения.

В VI разделе статьи «О “Шинели” Гоголя» Чижевский рассматривает вопрос о шинели как главном предмете привязанности Акакия Акакиевича в контексте религиозных взглядов Гоголя, читавшего «Добротолубие» и занятого проблемами «духовного делания», подвига духовной борьбы. «Тема “Шинели”, — пишет Чижевский, — воспламенение человеческой души, ее перерождение под влиянием — правда очень своеобразной — любви» [Чижевский 1938: 189]. Гоголь пока-

¹ См. также вступительную статью М. А. Васильевой к ее публикации работы Чижевского в журнале «Дружба народов» [Васильева 1997: 199–205].

зывает, что любовь может быть не только к великому и прекрасному, но и к повседневному, прозаическому, и, мало того, — «к ничтожному объекту» [Чижевский 1938: 189]. Это одна из центральных идей в художественных произведениях Гоголя — «у каждого человека свой “задор”, своя страсть, свое увлечение». По замечанию слависта, в истории литературы эта тема встречается в поэзии Горация, европейского и украинского барокко. Кроме того, это «тема одного из “виршей” мистика Григория Сковороды, вирша, известного, вероятно Гоголю хотя бы из “Наталки Полтавки” Котляревского (писателя, из которого он берет часть эпиграфов к “Сорочинской ярмарке”» [Чижевский 1938: 189–190]. Речь идет об известной песне Сковороды «Всякому городу свой нрав и права». «Сковорода дает в своем “вирше” <...>, после нескольких вступительных строк, противопоставляющих пестроте интересов и увлечений “света” (“всяка имеет свой ум голова, всякому сердцу своя есть любовь, всякому горлу свой вкус есть...”), “однودумство” духовного увлечения автора (“а мне одна только в свете дума, а мне одно только нейдет с ума...”))» [Чижевский 1938: 190]. Мысль о смерти предопределяет духовный смысл «вирша» Сковороды. Гоголь в «Мертвых душах» дает свою панораму человеческих «задоров»: «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно как чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым <...>» [Гоголь 5: 26]. По мысли слависта, все эти страсти, увлечения, «задоры» направлены на «ничтожные объекты» [Чижевский 1938: 190]. В «Невском проспекте» Гоголь изображает выставку вещей, воплощающих идею «задоров»: «щегольский сюртук с лучшим бобром», «греческий прекрасный нос», «превосходные бакенбарды», «пара хорошеньких глазок и удивительная шляпка», «перстень с талисманом на щегольском мизинце», «ножка в очаровательном башмачке» [Гоголь 3/4: 11]. «Но в “Шинели”, — пишет Чижевский, — задор героя — ниже всего, что мы видим в других местах у Гоголя» [Чижевский 1938: 190]. Смысл такого изображения проясняется в контексте переписки Гоголя 1840–1842 гг., когда была написана «Шинель».

В это время Гоголя волновал вопрос о том, можно ли прикреплять свое существование к вещам «внешнего мира» [Чижевский 1938: 191]. В письме к Данилевскому от 20 июня 1843 г. Гоголь резко противопоставляет внешнюю и внутреннюю жизнь. Надо иметь «неподвижный якорь», так как все вещи в мире обречены гибели, человек должен иметь внутри «центр, на который, опершись, мог бы он пересилить и самые страдания в горе жизни». Внешняя жизнь «есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни <...>» [Гоголь 9: 202]. Отдача себя внешнему миру приводит к потере «центра», т. е. Бога. Здесь Чижевский вспоминает богословский трактат Я. А. Коменского «*Centrum securitatis*» (1625), посвященный утверждению идеи Бога как главной опоры в жизни человека. На этот трактат указывает О. В. Марченко [Марченко: 43]. Но открытым остается вопрос о значении этого произведения для повести Гоголя. Понятие «*Centrum securitatis*» непосредственно отсылает к одному из важнейших в вероисповедательном плане произведений Я. А. Коменского — «*Centrum securitatis*, или Основание истинной безопасности. То есть: ясное представление о том, что в едином Боге и в смиренном подчинении всем его волям заключается только истинный покой, безопасность и наслаждение этой настоящей жизни» — теологический трактат Я. А. Коменского в 13 главах (1625). Трактат был посвящен Рафаэлю Лещинскому в благодарность за то, что он принял преследуемых членов Братства в своих поместьях в Лешно. В этом произведении Коменский показывает, что все в мире проистекает от Бога. Так, он приводит рисунок: «дерево мудрости», видимые части которого укоренены в Боге невидимыми частями. Дерево — эмблема живого цельного знания, исходя из розенкрейцеровской пансофии — «от Единого, через все, к Единому». Еще одно изображение — это колесо. За многообразием явлений скрывается изначальная простота. Несчастья постигают людей в отпадении от Бога. Коменский указывает три пути возвращения к Богу — бдительность, смирение и молитва [Komensky: 19–159]. Чижевский, как известно, в середине 1930-х гг. активно работал на ниве комениологии. Так, в 1935 г. он нашел считавшийся утерянным труд Коменского «Всемирный совет об исправлении дел человеческих».

Как у Коменского, так и у Гоголя (по мысли Чижевского) человек теряет себя и гибнет вследствие утраты центра, утраты идеи Бога¹. И это главная тема гоголевских «Петербургских повестей». В «Шинели» герой гибнет от «ничего». «Его страстное увлечение направлено на ничтожный, негодный объект — и у него нет центра, опираясь на который он мог бы противостоять миру, пересилить и самые страдания и горе жизни» [Чижевский 1938: 192]. Мир ловит человека «мелочами, <...> повседневностью, жалкими, урезанными от грошевого жалования грошами, шинелью. Если человек всею душою запутался в этих мелочах, ему несть спасения. Сюжет “Шинели” — своеобразное обращение евангельской притчи о “лепте вдовицы”: как лепта, грош, может быть великою жертвою, так и мелочь, шинель, может быть великим искушением (мысль из “Добротолюбия”). Не только Бог, но и черт соответственно ценит такую лепту» [Чижевский 1938: 193]. В трагическом финале повести Чижевский видел «мнимую победу над смертью земной любви», то есть победу злого духа над человеческой душою: «Не смешна, а страшна гоголевская история “бедного чиновника”!» [Чижевский 1938: 194]². В свою очередь Сковорода в одном из своих сочинений писал о «клеякой стихийности мира» [Зеньковский 1991: 77]³.

Чижевский в анализе «Шинели», используя герменевтические методы «медленного чтения» Гершензона и «мелких наблюдений» Бема, подчиняет эти методы историко-литературной по своей сути задаче. Его занимает вопрос о смысле повести, о том, что Гоголь хотел ею сказать. Так, он пишет, что ни Белинский, ни Достоевский не поняли «Шинель» Гоголя и неверно истолковали ее смысл. Вместе с тем, обозначенный исследователем вопрос об источниках повести выходит за рамки собственно историко-литературной задачи. И если сочинения Сковороды, Котляревского и Горация входили в круг чтения Гоголя, то вопрос, был ли Гоголь знаком с трактатом Коменского, остается открытым. Требовала отдельного исследования и ремарка о чтении Гоголем «Добротолюбия», что Чижевский и сам прекрасно понимал. Так, 2 но-

¹ См. также: [Васильева 2008: 127–128].

² См. на современном этапе полемику Ю. Барабаша с М. Вайскопфом по поводу сопоставления Чижевским темы страсти у Гоголя и Сковороды: [Барабаш: 359].

³ «Клейкие тенеты мира» [Марченко: 44]. На своей могиле Сковорода завещал написать эпитафию: «Мир ловил меня, но не поймал».

ября 1930 г. он писал Ф. Либу: «Шор интересовался “Добротолюбием”. Я бы тоже охотно получил один из томов, так как занят важной темой: “Гоголь и Добротолюбие” (мысль заняться этой темой уже сейчас пришла в тот момент, когда я узнал, что Шор получит от Вас “Добротолюбие”» [Янцен: 47–48].

Чижевский возвращается к проблеме понимания Гоголя и в статье «Гоголь как художник и мыслитель» (1952), приуроченной к 100-летию со дня смерти писателя. Статья вышла на английском языке¹.

Обозначим положение, которое существенно для всего круга работ Чижевского о Гоголе. Чижевский категорически возражал против устойчивого в гоголеведении представления о религиозном кризисе, пережитом Гоголем, о «гибельном влиянии отца Матвея Константиновского», о реализме как творческом методе писателя и т. д. Вслед за Гиппиусом и Зеньковским² он утверждал религиозную целостность личности писателя. Чижевский объяснял трагизм жизни Гоголя непреодолимым в принципе конфликтом между природой мысли и природой слова в эстетическом целом: «...любой мыслитель сталкивается с принципиальной неадекватностью всякого словесного оформления мысли», это «конфликт слова и идеи, содержания и формы» [Чижевский 2010: 118]. При этом Чижевский отмечал, что «самое художественное оформление и мысль Гоголя полны внутренних противоречий» [Чижевский 2010: 119]. И необычный язык Гоголя («самый неправильный русский язык») подчинен задачам выражения «глубоких и продуктивных противоречий, основанных на силе творческой интуиции, с одной стороны, и силе ищущей мысли — с другой». Гоголь создавал свой язык: «Ему звучал какой-то особый язык, вероятно, такой, на котором не говорят нигде в этом мире» [Чижевский 2010: 120]. И именно в этот «неземной язык» писатель претворял и переплавлял элементы, заимствованные из «земных языков».

¹ Gogol: Artist and Thinker [Čiževskij: 261–278]. В настоящем исследовании мы опираемся на текст публикации Янцена в журнале «Вопросы философии» [Чижевский 2010: 118–129], в которой представлен неизвестный ранее русский вариант статьи, обнаруженный ученым в архиве Чижевского.

² В частности, Чижевский высоко ценил книгу В. В. Гиппиуса «Гоголь» (1924) и труд В. В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (1961). Он писал об этом в некрологе памяти Зеньковского в 1964 г. [Чижевский 2007: 824].

Чижевского на протяжении всех лет работы над гоголевской темой очень занимал вопрос о языке писателя, в частности, его интересовали украинизмы в творчестве Гоголя. 2 июня 1942 г. он сообщал А. Л. Бему по поводу своих планов написать книгу о Гоголе и опубликовать «главу об украинизмах Гоголя»: «...меня особенно интересуют “скрытые” украинизмы позднейшего периода. Например, “Яичницын”, как собирався себя перекрестить Яичница. “Товарищи отсоветовали, говорят, будет похоже на ‘собачий сын’.” Но московское и петербургское произношение “Яишницын” на собачий сын мало похоже. Конечно, Гоголь произносил “Яичницын”. — Или ругательство Ноздрева (Чичикову, отказывающемуся играть в шашки) — “печник гадкий”. Печник как русское ругательство неизвестно. Но это, вероятно, только перевод украинского “пічкур” (лежебока, лежащий на печи). Таких мест довольно много. Немало и неверных приставок к глаголам, особенно легко путаемых “иностранцами”. Главная тема книги: Гоголь как чужестранец — в школе, в России, в Италии, на земле, в кругах, в которых он вращался и т. д.» [Янцен: 50]. Заметка Чижевского об украинизмах Гоголя в итоге вышла на немецком языке и только в 1976 г.; содержала в себе лишь небольшие фрагменты большого материала, собранного ученым. Как скрытые украинизмы в этой заметке рассматриваются: имя Вий (от укр. «вія» — «ресница»), «печник гадкий» (от укр. «пічкур»), «схватился со стула» (от укр. «схопився зі стільця»), «он меня понравил» (от укр. «він мене уподобав») [Tschizewskij 1976: 401–405].

В статье «Гоголь как художник и мыслитель» Чижевский рассматривал «парадоксы стиля писателя», т. е. художественные приемы Гоголя. Так, он анализировал «антитетический оксюморон» («прочные дрожки без одной рессоры», «молодая горячая лошадь... 17 лет от роду» и т. д.) и приходил к выводу, что фигура в некотором смысле оказывается пародией на «конциденцио оппозиторум», совпадение противоположностей во всяком истинном бытии» (традиционный прием религиозной литературы) [Чижевский 2010: 121]. Далее шли примеры гипербол («вареники величиной в шляпу», «клопы, кусающие как собаки» и т. д.) и «гиперохе», которые у Гоголя оказываются «средством характеристики ничтожного» («усы, никаким пером, никакою кистью неизобразимые», «имя, которое даже трудно было припомнить» и т. д.). Гиперохе, по наблюдению Чижевского, — «носитель функции характеристики высокого и святого» и «употребление этого приема в таком смысле вос-

ходит в конечном счете к “отрицательному богословию” отцов церкви, в частности, к “Ареопагитикам” [Чижевский 2010: 122]. Вопрос, который ставил ученый, состоял в следующем: «В чем же смысл этих парадоксов гоголевского стиля? Каково их значение в системе художественных приемов и в сфере идеологии Гоголя?» [Чижевский 2010: 122]. Чижевский отвечал на этот вопрос так: «переключение функций художественных приемов — пародическое употребление гипербол и гиперохе, оксюморонное применение “конциденцио оппозиторум” — у Гоголя несомненно своеобразный способ показать ничтожество, небытийственность, иллюзорность низшего земного бытия» [Чижевский 2010: 122]. Чижевский пишет о том, что Гоголь создал свою систему «натуральной стилистики» [Чижевский 2010: 123] — систему приемов, которые вскрывают иллюзорность и ничтожность этого мира. В эту систему включаются такие приемы, как слияние сна и действительности — образы Петербурга, или Парижа у Гоголя; прием «реализации метафоры»: «действительность оказывается то скрытой за метафорой, сравнением, то попросту превращается в нее» [Чижевский 2010: 124]. Вот один из примеров, который приводит Чижевский: «...в окне помещался сбитеньщик с самоваром из красной меди и лицом таким же красным, как самовар, так что издали можно было подумать, что на окне стояло два самовара, если б *один самовар* не был с черною как смоль бородою». Фантастический мир у Гоголя «раскрывает свою иллюзорность уже тем, что все оказывается только похожим на что-то иное и при том, по большей части “низшее”» [Чижевский 2010: 125]. Чижевский указывает на особый прием Гоголя — использования «метафоры вниз», «т. е. сравнение высшего с низким — в особенности людей с животными или даже предметами» [Чижевский 2010: 125]. Но смысл этих всех приемов не в уничтожающей все и вся сатире: «Гоголь видел задачу искусства, в частности искусства слова, вовсе не в разрушении и уничтожении. Искусство призвано не к разрушению, а к созиданию: искусство должно быть “нечувственной ступенью к христианству”. А это означает для Гоголя не разрушение, а улучшение, не уничтожение, а преобразование существующего» [Чижевский 2010: 125]. Основная идея христианского мировоззрения Гоголя, по мысли слависта, — идея «преображения», «направления к добру». Мир земной «только испорчен». Дальше Чижевский выходит опять к теме «задоров»/страстей: «И конечно, главное для Гоголя — не внешнее, юридическое, социаль-

ное преобразование мира, но преображение каждого отдельного человека, то возрождение, которое должно было стать темой дальнейших частей “Мертвых душ”. Уже в первой части “поэмы” эта тема намечена» [Чижевский 2010: 126]. Чижевский пишет о неудаче проповеди Гоголя, не услышанной современниками и потомками. Но, по его мнению, Гоголя нельзя понять, если не проанализировать «неразрывное сплетение в творческой личности писателя художника и мыслителя» [Чижевский 2010: 126].

Изучение источников религиозных взглядов Гоголя приводит Чижевского в 1940-е гг. к парадоксальной гипотезе: Гоголь «может оказаться приверженцем Бенгеля!» [Янцен: 52]¹. Статью «Неизвестный Гоголь» (1951) Чижевский посвятил вопросу о природе религиозности Гоголя, о «скрытой жизни» писателя². Для него идеалом биографии Гоголя была биография «внутренняя», «духовная биография»³. 9 января 1951 г. он писал Л. Мюллеру: «Только что написал статью о “неизвестном Гоголе” для одного хорошего американского журнала. Хотя она была мне заказана, я не знаю, как она переведена, выйдет ли и когда. Первая часть посвящена формальным вопросам — и здесь мне пришлось отделять Гоголя от реализма: их отождествление (Гоголь = реализм) — “само собою разумеющаяся” точка зрения в американской литературе. Вторую часть я посвятил четырем неясным моментам в духовной истории Гоголя: “Портрету”, его отношениям с польскими иезуитами в Риме, его отношению к Фоме Кемпийскому и сходству его “Выбранных мест...” с произведениями голландских, английских и американских сект или с религиозными Франклином и Юстусом Мё-

¹ Тема значения для Гоголя немецкой пиетистской традиции И. А. Бенгеля и И. Г. Юнга-Штиллинга отражена в работах Чижевского о значении сочинений немецких мистиков для славянских литератур. В частности, Чижевский прослеживал историю восприятия в России такого эсхатологического сочинения, как «Победная песнь» Юнга-Штиллинга. В статье «Неизвестный Гоголь» Чижевский рассматривает это произведение «в качестве вероятного источника сюжета о близком пришествии антихриста в первой редакции повести “Портрет”» [Гольденберг: 92].

² Гоголя Чижевский, очевидным образом, трактовал как мистика (о понимании мистической традиции Чижевским см. [Тоичкина 2017]).

³ Этот тезис Чижевский подчеркивал в своей рецензии на книгу В. Сечкарева о Гоголе [Чижевский 1955: 281-282].

зером (у которых религиозность не проявляется явно)» [Янцен: 53–54].

В статье Чижевский подчеркивает одиночество Гоголя¹, его чуждость современному обществу («он не примкнул ни к одному из духовных течений, с которыми была тогда связана вся русская культурная жизнь: он не стал ни западником, ни славянофилом, ни политическим радикалом, ни украинофилом, одним словом, остался идеологически “всем чужим”, даже своим ближайшим друзьям и почитателям» [Чижевский 1951: 135]). Ученый объясняет этот факт тем, что писатель, по сути, был человеком «иного времени, иной культурной эпохи», эпигоном «Александровской эпохи». «Именно поэтому он, с одной стороны, “отстал” от своего времени, с другой, “опередил” его. В “отсталости” Гоголя отчасти и причина его идеологических “провидений”, предвосхищение им идей Достоевского, эстетики символизма, некоторых религиозных мотивов, появляющихся снова только у современных русских философов» [Чижевский 1951: 136]. Далее Чижевский ставит вопрос об источниках религиозных воззрений писателя. «Религиозный утопизм» и «эсхатологические чаяния» Гоголя по Чижевскому могут быть связаны со знакомством писателя с трудами мистика Юнга-Штиллинга. Пишет Чижевский и о влиянии католических сочинений, в частности, «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, о чтении Гоголем святоотеческих сочинений, о слиянии в его взглядах проблем экономических и религиозных (Чижевский связывает последний вопрос с этикой протестантизма). В целом же он стремится показать склонность Гоголя «увлекаться различными течениями и идеями — и затем покидать их» [Чижевский 1951: 149], что тоже характерно для людей Александровской эпохи. И анализ фактов внутренней биографии Гоголя приводит его к выводу о надконфессиональном характере религиозных воззрений писателя [Чижевский 1951: 142]. Этот вывод, скорей всего, был близок самому Чижевскому.

Книгу о Гоголе Чижевский так и не издал. В начале 1950-х гг., судя по письмам, книга была написана. Так, сохранился план русскоязычного² варианта труда. Чижевский предполагал издать книгу «Гоголь.

¹ См. подробный анализ статьи: [Васильева 2010: 165–176].

² Сам Чижевский писал в письме М. М. Карповичу «Книгу о Гоголе я не могу печатать на другом языке, так как перевод цитат Гоголя испортит все» [Янцен: 61]. Тем не менее, немецкий вариант книги тоже был им написан (сохранилась часть рукописи).

Писатель — художник и мыслитель» объемом около 300 страниц. В процессе ее написания он обработал, как он писал М. М. Карповичу, «весь многочисленный новый материал, изданный после 1924 г. (чего нет ни у Набокова, ни у Лаврина, и, конечно, нет в Советской России)» [Янцен: 60]. По плану книга должна была состоять из 13 глав, которые включали в себя материал по биографии, главу об исторических и эстетических сочинениях Гоголя, анализ творчества и религиозного мировоззрения писателя, темы Гоголя-политика и гоголевских традиций (Белинский — Чернышевский и Шевырев — Андрей Белый) [Янцен: 61-62]. Отдельные главы были посвящены «Мертвым душам» и «Выбранным местам из переписки с друзьями». Рукопись книги в настоящее время не найдена. Тем не менее, концепцию личности и творчества Гоголя мы можем восстановить по опубликованным статьям Чижевского¹, в которых ученый неизменно отстаивал идею целостности пути великого писателя. Исследуя стиль художественных произведений через кропотливый анализ тропов и фигур, он показывал, как в художественной материи воплощается религиозное мировоззрение автора. Об актуальности наследия Чижевского в этом аспекте свидетельствуют современные гоголеведы. В частности, В. Ш. Кривonos пишет, что в современном гоголеведении «не исчезла из обихода и процедура разделения гоголевского творчества на две половины, только теперь исследовательские предпочтения чаще отдаются Гоголю — автору духовной прозы в ущерб Гоголю — комическому писателю. Труднее всего дается современному гоголеведению осознание сложного единства Гоголя, то есть того феномена, который удачно был назван объемом творческой личности, доступным объемному же пониманию» [Кривonos: 62]. В связи с пониманием Чижевским религиозной жизни Гоголя А. Х. Гольденберг пишет, что славист наметил «принципиально новый научный подход к проблеме гоголевской эсхатологии». Так, речь идет о необходимости описания «конкретных источников соответствующих гоголевских образов и идей». Исследователь отмечает, что «задачи, поставленные Чижевским полвека назад, всерьез начали решаться в гоголеведении сравнительно недавно» [Гольденберг: 92].

¹ Необходимо еще упомянуть главу о Гоголе в «Истории русской литературы» Чижевского [Tschizewskij 1964: 97-113]. В этой главе славист последовательно рассматривает жизнь и творчество писателя.

Впрочем, подход и методология Чижевского не сводимы к вопросу об источниках. За его подходом стоит религиозно-философская концепция эстетики. Так, в статье «Шиллер в России» он рассматривает религиозный характер понятия «прекрасного» у немецкого поэта: «сфера красоты в понимании Шиллера приближается к религиозной. Прекрасное близко к святому, и именно этот характер прекрасного в жизни, если его почувствует “вандал” (рационалист), откроет ему многостороннее богатство того, чего он не способен в жизни понять и оценить, а если почувствует это прекрасное-священное в жизни варвар, дикарь, обуреваемый страстью, он отнесется к жизни с уважением и любовью, которые удержат его от безудержного служения своей страсти» [Чижевский 1956: 116]. Анализируя тему влияния Шиллера на русскую культуру, ученый выделяет четыре мотива: «1. Мысль о *высшем призвании искусства*, удовлетворяющего всем потребностям духа, служащего и познанию, и морали, и религии. 2. Идея *синтеза, слияния, идеалов добра, правды, святости в красоте*; подчеркну: именно о *слиянии* этих сфер идет речь у шиллерианцев, в то время как разные формы кантианства, позитивизма и других течений пытаются *разграничить*, четко разделить “сферы влияния” добра, правды, святости и красоты, причем последней остается на долю по большей части весьма скромная по объему и значению “провинция духа”. 3. Идея синтеза духовных сфер часто принимает форму требования “синтетической”, *целостной культуры* и “целостной личности” (в жизни которой не отсутствует эстетический элемент), как носителя культуры. 4. Представление о “смягчающей”, примиряющей, успокаивающей *роли красоты* и художественного творчества. И больше: красота “спасает” или должна “спасти” человека, а то и весь мир» (Курсив автора — А. Т.) [Чижевский 1956: 117]. Так, у Гоголя Чижевский находит «шиллерианские» мотивы, в частности, мотив «эстетического утопизма» (определение В. В. Зеньковского). Гоголь, как отмечает ученый, своими художественными произведениями «хочет возродить Россию: от постановки “Ревизора” он ожидает такого “возрождения”. По временам он чувствует недостаточность эстетического принципа: трагедия “Невского проспекта” в конфликте красоты и зла, хотя красота как будто и должна “спасти мир” (позднейшая формула Достоевского), но красота (героиня рассказа) “брошена в бездну” какой-то “адской силой”...И еще в “Переписке” Гоголь видит и главную основу всей русской жизни и высшее

ее проявление именно в русской поэзии. В “Переписке” — и его религиозно-эстетическая утопия с ее идеалом, родственным шиллеровской “божественной идиллии”. Именно искусству, по мнению Гоголя, “предстоят теперь другие дела”, чем чистое художественное творчество, — искусство представляется Гоголю орудием борьбы за “Царство Божие”. И формулировка Гоголем своего идеала в этот период: “пропеть гимн верховной небесной Красоте” — показывает, как глубоко эстетический мотив укоренился в его мировоззрении» [Чижевский 1956: 119].

Чижевский рассматривает эстетику как религиозный феномен в ее исторических воплощениях. С этим связан надконфессиональный характер его «истории духа». В рамках своего подхода он сумел преодолеть противоречие между «вечным» и «временным». В рецензии на книгу П. М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» (Прага, 1925) он писал: «Мне представляется, что спецификум исторического бытия возможно найти только на пути анализа времени, — “историческое время” отлично ото всякого иного времени, — напр., данного нам в физических или биологических процессах; отлично *по своей структуре*, — поэтому, только исходя из своеобразия исторического *времени* возможно раскрыть своеобразие исторического *бытия*» (Курсив автора — А. Т.) [Надъярных: 347]. Для Чижевского абсолютную ценность представляет «подлинно временно-текущее историческое бытие, а не те “ценности” надисторического характера, которые в историческом процессе “реализуются”» [Надъярных: 348]. В этом он опирается на опыт Гегеля, на не впервые вскрытую им специфическую текучесть и временную растяженность «всех вообще *реализуемых* ценностей». И вслед за Бицилли он пишет о том, что именно христианство и заложило «*возможность* осмысления временно-преходящего, как абсолютно-ценного» [Надъярных: 348]. Утверждение «*безграничного* своеобразия исторического бытия» требует, по мысли Чижевского, от ученых выработки «эстетико-индивидуализирующего подхода», «символической интерпретации» и «интуитивного метода». «Символические отношения соединяют в себе временность и вневременность. Отсюда следует сделать вывод, что своеобразии исторического бытия — в синтезе в нем временности и вневременности» [Надъярных: 351]¹.

1 Выделения курсивом Чижевского.

Изучение источников как метод исследования религиозной жизни художников эпохи предполагался у Чижевского синтезом историко-литературного и религиозно-философского подходов. Так зачастую он описывал генезис явления по принципу «духовно-исторической типологии» (к примеру, в статье 1968 г. «Гоголь — Сковорода» ученый тему «страстей / “задоров”» у Гоголя, Пушкина и Сковороды выводит к Горацию [Čyževskij 1968: 317–326]). Этот метод позволял описать религиозные истоки поэтики произведений автора, в частности, через исследование духовно-исторического генезиса тропов и фигур (т. е. индивидуального художественного стиля), что и давало возможность анализа «целостной личности» писателя в неразрывном единстве его мировоззрения и творчества. Наследие ученого сохраняет научную актуальность и на сегодняшний день. К сожалению, его работы у нас недостаточно известны, в частности, немецкоязычные работы Чижевского о Гоголе не переведены и не изданы.

Список литературы
Источники

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Чижевский Д. И. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. № 67. С. 172–195.

Чижевский Д. И. Неизвестный Гоголь // Новый Журнал. 1951. Т. 27. С. 126–158.

Чижевский Д. И. Три книги о Гоголе // Новый Журнал. 1955. Т. 41. С. 281–282.

Чижевский Д. И. Шиллер в России // Новый Журнал. 1956. Т. 45. С. 109–135.

Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. 848 с.

Чижевский Д. И. Гоголь как художник и мыслитель (публикация и комментарий В. Янцена) // Вопросы Философии. 2010. № 1. С. 118–129.

Чижевський Д. І. Нариси з історії філософії на Україні. (Друге видання). Мюнхен: В-во Спілки Української Молоді, 1983. 175 с.

Чижевський Д. І. Д. І. Чижевський (Чижевський, Tschizewskij, Čyževskij) про Гоголя. Уклала О. В. Тоїчкіна. Гоголезнавчі студії. 2015. Вип. V (22), Ніжин: ФОП Лукьяненко В. В. ТПК «Орхідея». С. 388–390.

Čyževskij D. Gogol'-Studien. Zur Komposition von Gogol's "Mantel" // Zeitschrift für slavische Philologie. 1937. No. 14/1–2. S. 63–94.

Čyževskij D. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. New York. 1952. No. 4/2. P. 261–278.

Čyževskij D. Skovoroda – Gogol' // Die Welt der Slaven. 1968. No. 13/3. S. 317–326.

Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. 2 Bände. München: Wilhelm Fink Verlag, 1964. Bd. 1: Die Romantik. S. 97–113.

Tschizewskij D. Zu den Ukrainismen Gogol's // Heinz Dieter Pohl und Nikolai Salmikow (Hrsg.): Opuscula slavica et linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko. Klagenfurt: Verlag Johannes Heyn, 1976. S. 401–405.

Komensky J. A. Centrum securitatis // Dílo Jana Amosa Komenského. Praha: Academia, 1978. Vol. 3. S. 19–159.

Исследования

Барабаш Ю. Вибрані студії: Сковорода. Гоголь. Шевченко. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська Академія», 2006. 748 с.

Васильева М. А. А. Л. Бем, П. М. Бицилли, Д. И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.

Васильева М. А. «Шинель» и пересечение параллелей // Дружба народов. 1997. № 1. С. 199–205.

Васильева М. А. Статья Дмитрия Чижевского «Неизвестный Гоголь» и ее «неизвестный» контекст // Colloquia Litteraria Sedlcensia. Дрогобич; Siedlce: Akademia Polasa w Siedlcach, 2010. Т. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура. С. 165–176.

Воропаев В. А. Гоголь Николай Васильевич (1809–1952) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. С. 95–117.

Гольденберг А. Х. Ад и Рай Гоголя (к проблеме интерпретации творчества писателя в критике Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятое Гоголевские чтения. М.: Книжный дом «Университет», 2006. С. 89–101.

Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. 221 с.

Кривонос В. Ш. Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятое Гоголевские чтения. М.: Книжный дом «Университет», 2006. С. 55–65.

Марченко О. В. Творчество Николая Гоголя и Григория Сковороды в трудах Дмитрия Чижевского // *Марченко О. В. FABULAE SELECTAE.* М.: Асхань, 2016. С. 35–48.

Mnich R. «Рецептивная эстетика» Дмитрия Чижевского. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej I Badan Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2021. 588 с.

Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.

Тоичкина А. В. Понятия «система» в работах Д. И. Чижевского о Я. А. Коменском и Г. С. Сковороде // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования. СПб.: Петершуле, 2016. С. 140–152.

Тоичкина А. В. Сковорода, Коменский, Сведенборг и Достоевский в работах Д. И. Чижевского о мистиках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 2. С. 145–156.

Янцен В. В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб.: РХГА, 2008. 162 с.

References

Barabash, Iu. *Vibrani studii': Skovoroda. Gogol'. Shevchenko [Selected Studios: Skovoroda. Garrot. Shevchenko]*. Kyiv, Kiev-Mohyla Academy Publ., 2006. 748 p. (In Ukrainian)

Vasil'eva, M. A. "A. L. Bem, P. M. Bitsilli, D. I. Chizhevskii: Metod 'melkikh nabliudeniin'" ["A. L. Bem, P. M. Bicilli, D. I. Chizhevsky: The Method of 'Small Observations.'"] *A. L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ia [A. L. Bem and Humanitarian Projects of Russian Abroad]*. Moscow, Russkii put' Publ., 2008, pp. 113–135. (In Russ.)

Vasil'eva, M. A. "'Shinel' i peresechenie parallelei" ["'Overcoat' and the Intersection of Parallels"]. *Druzhba narodov*, no. 1, 1997, pp. 199–205. (In Russ.)

Vasil'eva, M. A. "Stat'ia Dmitriia Chizhevskogo 'Neizvestnyi Gogol' i ee 'neizvestnyi' kontekst'" ["Article by Dmitry Chizhevsky 'Unknown Gogol' and Its 'Unknown' Context"]. *Colloquia Litteraria Sedlcensia [Colloquia Litteraria Sedlcensia]*, vol. 4: Dmitrii Chizhevskii i evropeiskaia kul'tura [Dmitry Chizhevsky and European Culture]. Droghobich, Siedlce, Akademia Polasa v Siedlcach Publ., 2010, pp. 165–176. (In Russ.)

Voropaev, V. A. "Gogol' Nikolai Vasil'evich (1809–1952)" ["Gogol Nikolai Vasilievich (1809–1952)"]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia. 1918–1940 [Literary Encyclopedia of Russian Abroad. 1918–1940]*, vol. 4: Vsemirnaia literatura i russkoe zarubezh'e [World Literature and Russian Abroad]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006, pp. 95–117. (In Russ.)

Go'denberg, A. Kh. "Ad i Rai Gogolia (k probleme interpretatsii tvorchestva pisatelja v kritike Russkogo Zarubezh'ia)" ["Hell and Heaven of Gogol (To the Problem of Interpreting the Writer's Work in Criticism of Russian Abroad)"]. *N. V. Gogol' i Russkoe Zarubezh'e: Piatye Gogolevskie chteniia [N. V. Gogol and Russian Abroad: Fifth Gogol Readings]*. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet" Publ., 2006, pp. 89–101. (In Russ.)

Zen'kovskii, V. V. *Istoriia russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]*, vol. 1, part 1. Leningrad, EGO Publ., 1991. 221 p. (In Russ.)

Krivosos, V. Sh. "Povorot ili nadryv? (Pozdnii Gogol' v issledovaniiax Russkogo Zarubezh'ia)" ["Turn or Tear? (Late Gogol in Studies of the Russian Abroad)"]. *N. V. Gogol' i Russkoe Zarubezh'e: Piatye Gogolevskie chteniia [N. V. Gogol and the Russian Abroad: Fifth Gogol Readings]*. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet" Publ., 2006, pp. 55–65. (In Russ.)

Marchenko, O. V. "Tvorchestvo Nikolaia Gogolia i Grigorii Skovorody v trudakh Dmitriia Chizhevskogo" ["The Works of Nikolai Gogol and Grigory Skovoroda in the Works of Dmitry Chizhevsky"]. Marchenko, O. V. *FABULAE SELECTAE [FABULAE SELECTAE]*. Moscow, Askhan' Publ., 2016, pp. 35–48. (In Russ.)

Mnich, R. "Retseptivnaia estetika" Dmitriia Chizhevskogo ["Receptive Aesthetics" by Dmitry Chizhevsky]. Siedlce, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badan Literackich im. Franciszka Karpińskiego Publ., 2021. 588 p. (In Russ.)

Nad"iarnykh, N. S. *Dmitrii Chizhevskii. Edinstvo smysla [Dmitry Chizhevsky. Unity of Meaning]*. Moscow, Nauka Publ., 2005. 366 p. (In Russ.)

Toichkina, A. V. "Poniatiiia 'sistema' v rabotakh D. I. Chizhevskogo o Ia. A. Komenskom i G. S. Skovorode" ["The Concept of 'System' in the Works of D. I. Chizhevsky About Ya. A. Komensky and G. S. Skovoroda"]. *Poisk garmonii v mire khaosa: Ian Amos Komenskii i sovremennaia filosofiiia obrazovaniia [Search for Harmony in a World of Chaos: Jan Amos*

Текстология. Источниковедение

А. В. Тоичкина. Н. В. Гоголь как художник и мыслитель в работах Д. И. Чижевского
(К 130-летию Д. И. Чижевского)

Komensky and Modern Philosophy of Education]. St. Petersburg, Petershule Publ., 2016, pp. 140–152. (In Russ.)

Toichkina, A. V. “Skovoroda, Komenskii, Svedenborg i Dostoevskii v rabotakh D. I. Chizhevskogo o mistikakh” [“Skovoroda, Comenius, Swedenborg and Dostoevsky in the Works of D. I. Chizhevsky About Mystics”]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 18, issue 2, 2017, pp. 145–156. (In Russ.)

Iantsen, V. V. *Neizvestnyi Chizhevskii: obzor neopublikovannykh trudov* [*Unknown Chizhevsky: Review of Unpublished Works*]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2008. 162 p. (In Russ.)